

Дискуссионный клуб

Агапов Ярослав Евгеньевич,
искусствовед,
Канада, г. Торонто
TB1111K@yahoo.com

Столкновения в Англии в августе 2011 года, или Об одном значительном художественном проекте, который был поверхностно продуман

События, которые произошли в Англии месяц назад, весьма трудно увязать с тем образом страны, который привыкли создавать у учащихся даже наиболее опытные, любознательные и информированные преподаватели английского языка и страноведения. Как увязать поджоги и погромы с традиционными разговорами об англичанах как о нации, которая строго следует веками установленным обычаям в любых жизненных мелочах, – наверное, это первое, о чём спросят педагогов школьники и студенты. И вопрос о том, как получилось, что в считанные часы жители окраин Лондона оказались беженцами и погорельцами в собственной стране, действительно не из легких.

Говорить о том, что случившееся было спровоцировано расовой дискриминацией, столь же наивно, как если бы британские студенты попробовали объяснить бытовой национализм в России и события на Манежной площади тем, что "landlords still continue to oppress their peasants in Russia" («В России помещики все еще продолжают угнетать своих крестьян».) Все, кому приходилось видеть уличные компании афро-карибских иммигрантов в Лондоне, единодушны во мнении, что на безобидного и набожного героя «Хижины дяди Тома» эти люди похожи в очень малой мере. И социальные условия, контрасты в уровне доходов разных социальных групп – довольно-таки невнятное объяснение столкновениям и бедствиям такого масштаба. Подростки и молодые люди, которые начали жечь свою же собственную страну, могли и в самом деле испытывать некоторые раздражение и досаду от того, что, имея доступ к товарам одних марок, они не могли себе позволить вещи от более элитарных производителей. Но, если кто-то носит джинсы от Calvin Klein вместо костюмов от Армани, это трудно считать серьезной причиной, для того чтобы жечь магазины, вынуждая жильцов верхних этажей прыгать из окон горящих домов.

И если у кого-то есть только «позорные» часы Cassio за 35 £ и нет престижных швейцарских часов Peter-Philippe, Gerrard-Perregaux или Breguet, вся буря моральных страданий по такому поводу не может быть оправданием дикарской пляске на пожилom человеке, сбитом с ног толпой погромщиков. Можно краснеть перед собственной девушкой за староватую «Тойоту» с тронутыми ржавчиной крыльями, если рядом молодые люди усаживают девиц в сияющий новый Porsche. Однако умышленный наезд на трех добровольцев защиты от погромов – явно чрезмерная месть окружающим за такой легкий стыд!

Сущность столкновений в Англии становится более понятной, если на время отвлечься от репортажей журналистов и обратиться к произведениям классиков английской литературы. Вспышки массового насилия доводилось наблюдать Чарльзу Диккенсу, создателю «Оливера Твиста» и «Посмертных записок Пиквикского Клуба» видел их несколько раз за свою жизнь. Роман Диккенса «Барнаби Рудж» – повествование о масштабных погромах против католиков, которые охватили страну в 1790 году. Писатель объединил впечатления и идеи, возникавшие у него в разные годы жизни, и раскрыл общую природу любого взрыва массового насилия вне зависимости от того, под какими лозунгами оно происходит. В «Барнаби Рудж» речь идет о «моральной чуме, которая бежала через весь город» [1], о «заразе безумия», у которой вообще не может быть внятных социальных, политических и экономических причин. Диккенс писал о шайках грабителей, которые «собираются и рассеиваются с одинаковой внезапностью, и установить, как они собираются, так же трудно, как определить источники моря» [2]. Эти строки из романа XIX века удивительно точно совпадают с журналистскими репортажами, датированными прошлым месяцем. Ведь участники августовских погромов в Тоттенхэме превзошли полицейских не только в плане агрессивности и «жажды боя», но и в умении правильно координировать действия различных групп. Правда, в их распоряжении были средства мобильной связи и социальные сети – это полностью отменяет предположение о том, что столкновения устроили честные трудяги, которые вдруг обнаружили, что их труд не приносит желаемых результатов.

В «Барнаби Рудж» Диккенса есть сцены поджогов и пожаров, где зараженные безумием люди поджигают не только дома, но и одежду своих подельников по преступлениям. «Чем сильнее потрескивал и бушевал огонь, тем более дикими и жестокими становились люди. [Участники бунта] меняли свою человеческую природу на качества, которые доставляют наслаждение в аду» [3].

И эти картины из романа столь же похожи на сцены столкновений и погромов в Тоттенхэме, ведь погромщики наших дней приходили в такое же безумие от стихии огня и

атмосферы массовой безнаказанности. Чего стоит одна только выходка с грудным ребенком, которого отняли у родителей! Участники погромов бегали с ним по улице, размахивая им на фоне горящих домов и снимая друг друга на мобильные телефоны [4]. Трудно сказать, чем была внушена идея столь зловещего театрализованного представления, возрождающего языческие обряды. Возможно, пьяным хулиганам вспомнились спортивные коммерческие шоу, во время которых боксеры-победители разгуливают по рингу, показывая зрителям своих детей.

Видимо, сущность массового насилия мало изменилась за два века. Столкновения, случившиеся в августе 2011 года, явились как бы «осовремениванием» Диккенса, зловещим перформансом по мотивам сцен и картин из романа «Барнаби Рудж». (Прибегаю к такому сравнению от острого ощущения мерзости случившегося, без малейшего желания оскорбить людей, ставших жертвами погромов.)

Обсуждая погромы на страницах газет, британские журналисты высказывают самые разные предположения о том, почему в первые часы и дни этих событий лондонская полиция утратила контроль над происходящим и оказалась неспособной обеспечить жителям смешанных окраин ту защиту, на которую они были в праве рассчитывать. Согласно мнениям некоторых из них, именно страх обвинений в расизме парализовал действия полицейских [5]. Постоянная боязнь юридической ответственности за чрезмерное применение силы и превышение должностных полномочий, которая знакома любому служителю порядка в Англии, в ситуации августовских погромов поставила под угрозу жизнь и здоровье самих полицейских. Она привела к тому, что ранения различной степени тяжести получили десятки полицейских, в том числе и женщины, работающие в Metropolitan Police.

Следует учесть и изменения, внесенные в официальные правила для полиции Лондона, которые были введены в ответ на требования о том, что полиция должна помнить о многонациональном составе сообщества жителей столицы.

Согласно этим изменениям, вступившим в силу после бунтов в Брикстоне в 90-е годы, служащий лондонской полиции обязан обращаться одинаково беспристрастно с каждым, независимо от цвета кожи [6]. Это очень красиво звучит для непосвященных, однако в реальной ситуации погромов и пожаров в Тоттенхэме принцип политкорректности, поставленный выше представлений о культуре, религии и морали, которые могут быть различными у разных наций, оказался принципом «несправедливой беспристрастности». Пытаясь облегчить управление многонациональной страной, можно внушать и внушать людям, что они ничем не отличаются друг от друга. Вопрос лишь в том, можно ли стереть эти отличия до конца.

На одной и той же улице Тоттенхэма могут жить социальный работник, чьи предки жили в Англии из века в век, и сын афро-карибских иммигрантов. Первый из этих людей может работать в центре социальной помощи по 40–50 часов в неделю, и для тех, кто ищет работу в Лондоне, такой человек является одновременно и помощником-программистом, и психологом-утешителем, и болельщиком. Второй только похвально тем, что он является соотечественником известных ямайских боксеров, и целыми днями расхаживает от одного торгового центра к другому, попутно задирая водителей автобусов. Он умышленно спускает брюки на двадцать сантиметров ниже приличного, беря пример с тех представителей британского и американского шоу-бизнеса, кого время от времени высаживают из самолета за нарушение правил приличия [7]. Нравственность окружающих людей оскорбляется не то чтобы без стыда, а с гордостью, как знак принадлежности к определенному сообществу, как будто это не его личный позор и упомешательство, а парадная форма морской пехоты. И если манеры первого из сравниваемых здесь людей являются манерами интеллектуального трудяги, то весь словарный запас второго – британский аналог лексикона людоедки Элочки из «Двенадцати стульев». Относиться к этим двум людям с «одинаковой беспристрастностью», разумеется, можно. Уравнивание по чьей-то «разрядке» не ново для страны, омываемой морями: культура пост-модернизма давным-давно уравнила композитора Бенджмина Бриттена с рэппером из Папуа-Новой Гвинеи, классическую балерину из труппы Ковент-Гарден и исполнительницу танцев живота из ночного клуба. Только это будет абсурдная беспристрастность, поскольку разницу в человеческих представлениях о прекрасном и об уродливом никто не отменял. Это будет беспристрастно совершаемая несправедливость, поскольку человек интеллектуального труда и член сабкультурного сообщества могут иметь противоположные представления о том, что такое спокойствие и порядок.

Если вспомнить знания, почерпнутые на курсах страноведения Англии, то, казалось бы, имея право на разнообразные пособия и учебу в колледжах и университетах страны, молодые «этнические» англичане должны увлечься идеями джентльменства, особого уважения к женщине, а также теми представлениями о благородстве чувств, которые можно почерпнуть из романов Диккенса и Джейн Остен. Но реальность жизни смешанных районов Лондона XXI века такова, что британцы афро-карибского происхождения делаются мало похожими на образованного и светского Ибрагима из пушкинского «Арапа Петра Великого». Они создают собственную сабкультуру, которая способна ассимилировать детей из семей потомственных англичан и других иммигрантов европейского происхождения. И, судя по итогам волнений, эта сабкультура носит откровенно расистский и человеконенавистнический характер. Она приучает молодых

людей к мысли, что общество им что-то должно, и отучает их задумываться об ответственности и безопасности тех, кто живет рядом. Эта субкультура навязывает взгляд на женщину только как на объект сексуальных домогательств. Она учит относиться к малограмотным и физически опустившимся рэпперам, едва знающим семь музыкальных нот, с таким благоговейным почтением, какое оказывалось жрецам языческих культов в дохристианские времена. Любая мерзость, сказанная кому-то в лицо, или пролитие даже одной капли крови в ходе нападения впятером на одного считаются гораздо ценнее опыта передачи знаний или заботы о людях.

Участники столкновений действовали с сознательным или подсознательным желанием изменить облик Англии в соответствии со своими вкусами. И об этом свидетельствует вот какая деталь: никто не уничтожал престижные электронные товары нового поколения, которые казались членам хулиганских группировок не только фетишами, но и своеобразным оружием борьбы за лидерство в обществе. Поджигалось и уничтожалось всё то, что говорит о традиционном стиле жизни страны, сложившемся в эпоху королевы Виктории: характерные для Англии телефонные будки, старинные магазины европейской моды, красные двухэтажные автобусы, спроектированные по образцу больших пассажирских карет XIX столетия. Погромщики пытались заставить жителей кварталов, охваченных волнениями, изменить свой имидж и отказаться от облика европейцев. И эта попытка отчасти удалась, если учесть, что многие из тех, у кого не было сил или смелости сопротивляться хулиганам, оказались вынужденными одеваться так, как были одеты участники волнений, чтобы избежать нападения [8].

В дни столкновений ведущие политики страны произнесли немало гневных речей на телевидении, обещая строго наказать всех, кто принимал участие в нападениях на полицейских и на рядовых граждан. Но вне зависимости от того, сдержат ли они свои обещания, можно с уверенностью говорить о том, что субкультура уличных банд – это именно то, что британские налогоплательщики содержат на собственные деньги в настоящий момент.

Формы такой вынужденной поддержки могут быть различными. Информация о размерах материальной помощи безработным считается очень приватным делом в Европе, но, если помножить количество молодых афро-карибских безработных в Лондоне на число лет, которое они с завидными невозмутимостью и апломбом «отсидели на соцпособии», получится какой-то очень длинный временной период. Наверное, от тех времен, когда поединки между динозаврами могли считаться актуальной новостью, и вплоть до основания Лондона. Помимо денежных выплат, которые могут превышать размеры месячных зарплат в России, помимо сумм, за которые в нашей стране рядовой

врач или рабочий на стройке «трудятся в поте лица своего», этнические англичане афро-карибского происхождения и «ассимилированные» ими люди могут получать помощь в том виде, о котором многие стесняются говорить официально. Среди читательских отзывов на проблемные статьи, посвященные погромам на страницах ведущих британских газет, слишком часто встречались свидетельства о том, что британцы, работающие на складах, на стройках или в сфере обслуживания, вынуждены просто-напросто нести членов уличных хулиганских группировок на своих плечах. Ну, попросту выполнять две нормы, пока парни в куртках с капюшонами спокойно стоят, треплются через i-pod'ы или заботливо смазывают руки гигиеническим кремом.

Ответственность за огромные масштабы волнений и за их жертвы журналисты и блоггеры возлагают не только на руководство Metropolitan Police, но и на высшее руководство системой среднего образования страны [9]. О том, что субкультура уличных банд завоевывает всё большее и большее пространство в бесплатных средних школах лондонских окраин, знали все специалисты в области образования (я не обсуждаю престижные и дорогие колледжи). Подростки перенимают примеры от взрослых группировок уличных наркоторговцев. И вместо образования в бесплатных школах может происходить своеобразное «промывание мозгов» детям из семей потомственных европейцев. В их адрес постоянно звучит кличка «pussycat» (грязное карибское ругательство, означающее буквально кошку, насируемую группой наркоманов). И отношение к таким детям меняется в лучшую сторону только тогда, когда они начинают стыдиться своих родителей и демонстрировать, что они «исправились», что они прилежно любят ямайский рэп. Эти дети перестают быть париями, только когда доходит до того, что в них больше ничего нет от традиционной европейской культуры, от облика британца, шотландца или, например, поляка. Лично мне случалось встречать даже русского подростка, попавшего под влияние стаи афро-карибских рэпперов. Его родители уехали в страны Британского содружества, когда ребенку не было и 6 лет. От русского облика там оставались лишь бледное лицо и голубые глаза. Его вид мог бы повергнуть москвичей, считающих себя «классическими» и «коренными», в такой же шок, в какой приходят в фильме «Мусульманин» жители российской деревни при виде человека, который долгое время был военнопленным в Афганистане. Одетый в точь-точь как его уличные учителя, этот подросток говорил на их слэнге, будучи едва способным хоть что-то сказать по-русски.

В кругах деятелей культуры и образовательной сферы Великобритании слишком долго было распространено мнение о том, что субкультура банд наркоторговцев каким-то образом связана с культурой карибских стран, и до пожаров и столкновений в августе ее награждали благородными эпитетами «культурная особенность» и «часть мозаики

культур Англии». Но, если британское общество заинтересовано в том, чтобы не допускать новых вспышек «моральной чумы», перед ним встает вопрос, стоит ли вообще включать вышеописанную субкультуру в понятие культурного многообразия.

Среди имен деятелей европейской художественной культуры можно встретить, наверное, все имена мира; официальные ограничения для наций из других частей света давным давно упразднены, жителей континента объединяет одна только идея Европы. Хотя поводы для социальных конфликтов по прежнему присутствуют, и самый главный из них – это привилегия быть «гражданами мира», данная одним, и роль «материала для мировой империи», отведенная другим.

Высокая культура, основанная на жанрах романа, станковой картины и музыкальной симфонии, перестала быть для европейцев источником знаний о повседневной действительности в их странах [10]. Эта роль стала принадлежать средствам массовой информации и Интернету. Но по мере того, как общение с романом, картиной и симфонией перестало быть частью повседневной жизни просвещенных классов, исчезла и сама способность видеть разницу между продукцией серийного изготовления и произведением искусства, в котором из жизненного явления создан неповторимый художественный образ. Способность понимать художественные образы сохранилась только в узких кругах особо одаренных людей и профессионалов искусства, которые могут совсем не принадлежать к высшим классам общества. И именно в силу этого какая-то часть сотрудников британской системы бесплатных средних школ смогла всерьез поверить, что для того чтобы внести вклад в многообразие культур страны, кому-то достаточно прийти в ночной клуб на окраине Лондона и «завоевать» внимание перепившейся толпы непристойными скороговорками, которые именуются рэп-перформансами. И что участие в культуре может иметь хоть что-то общее с деструкцией, с моральным террором по отношению к детям и к учителям.

Многообразие культур складывается из высокоценных произведений разных видов и жанров, из художественных образов, которые их населяют. Создать образ можно, только обладая уникальным и неповторимым мировоззрением. Представление о том, что к культуре принадлежит всё, чему придается гламурный облик, глубоко ошибочно. У современной масс-медиа есть возможность наделять гламурным обликом кого угодно: даже сообщества наркоманов, даже обитателей ночлежек и тюрем. Но художник остается художником в благородном значении этого слова именно потому, что он готов жертвовать собой ради совершенства произведения, готов переводить свою человеческую сущность в картину, в грунт, в палитру, в красочный пигмент [11]. И точно так же писателем может считаться лишь тот, кто готов «переплавлять» всего себя в стройный текст, собранный из

огромного числа мелких набросков и переделываемый множество раз. Если выполнено это условие, картина и текст сделаются частью культурного многообразия страны вне зависимости от того, откуда приехали их авторы.

Вопрос в том, подходит ли культура, создающая художественные образы, для нужд гигантской империи, частью которой продолжает оставаться Англия. Ее неизменное участие в военных кампаниях в Югославии, Ираке, Афганистане и Ливии противоречит всему тому, о чем говорится на университетских конференциях, посвященных теме пост-колониализма. Если Джон Рескин и Джеймс Уистлер так и не сумели ужиться друг с другом при жизни, если их художественные мировоззрения столкнулись в XIX веке с большой эмоциональной силой, годятся ли «Камни Венеции» Рескина или созданная Уистлером серия видов Лондона, известная любителям живописи под названием «Ноктюрны», в качестве сообщений, которые «нужно передать всем»? И если историкам культуры Англии известно об официальном суде между этими двумя художниками, подходят ли апологеты и последователи Рескина и Уистлера для формирования сообщества, готового с упоением смотреть боевики с Джеймсом Бондом и одобрять «бомбежки с гуманитарными миссиями»?

Когда мерзость преступлений, которые сопровождали столкновения, сделалась очевидной всем, в средствах массовой информации Англии зазвучал хор голосов о том, что «погромщики нарушили все законы цивилизованного общества» [12]. Однако еще задолго до столкновений независимые авторы отмечали, что в высших слоях Соединенного Королевства заметен недостаток людей, способных задавать тон обществу в отстаивании идеалов благородного поведения и цивилизации, проявляя при этом сильный характер [13].

Процессы глобализации мало внешне затронули жизнь высших классов страны. Среди частых гостей на ведущих телеканалах по-прежнему есть обладатели дворцов с галереями портретов предков и кавалеры рыцарских орденов. В распорядок дня представителей высших классов по-прежнему бывает включено посещение дворцовых торжеств и благотворительных акций, и согласно традиции их принято описывать «неизменно окруженными аурой элегантности и гламура». Однако при создании даже тех телевизионных программ, которые традиционно считались сценой для британской аристократической элиты, традиции высокой культуры сталкиваются с интересами имперской политики. И привычка оценивать телепрограммы и шоу по рейтингам успеха у массы зрителей, а не согласно их интеллектуальному качеству и сути, является такой же серьезной проблемой в Англии, как и в любой другой из европейских стран. Это приводит к тому, что в центр внимания продюсеров и зрителей и, соответственно, в элиту страны

попадают люди, чье поведение можно считать обратной противоположностью идеальной модели, которую высшие классы воплощали на протяжении долгих веков.

Своеобразным лифтом в элиту страны сделался профессиональный спорт. Это произошло еще в начале XX века, по мере того как мир спорта оказывался все более связанным с масс-медиа. На протяжении долгого времени никто не видел ничего плохого в украшении высших слоев общества звездами спортивных олимпиад. Проблемы начались тогда, когда сам мир спорта оказался разделенным на олимпийский и так называемый профессиональный, принадлежащий к индустрии развлечений и связанный с организацией гигантских шоу, куда зрителей пытаются завлечь любой ценой. Вместо людей, чьи статус и характер облагорожены трудом, связанным с подготовкой к олимпиадам, «спортивный лифт» вдруг стал поставлять в высшие слои страны балаганных кривляк, участников очень предсказуемых представлений «под куполом шпато размером с египетскую пирамиду». В интересах огромной индустрии развлечений в ранг героев, которых нация должна рассматривать в качестве образцов для подражания, стали возводить участников представлений, возрождающих архаическое, до-христианское преклонение перед жестокостью и коварством и срежиссированных по образцу жертвоприношений в Лондоне древнеримской эпохи.

Мир современной британской масс-медиа способен с серьезным видом выдвигать в кандидаты на получение премии «Личность года» [14] участников перформансов на спортивных аренах, которые отличаются от пост-модернистских перформансов в галереях современного искусства разве что неизмеримо большим числом зрителей. И только потому, что шоу «профессионального спорта» способны щекотать подсознание как богатых бездельников, так и рядовых торговцев наркотиками, их протагонисты могут получать награды, которые в Англии XIX века были доступны только членам аристократических кругов, религиозным деятелям и писателям уровня Диккенса. Рыцарские ордена и мантии самых известных университетов Англии [15], равно как и звания профессионалов бокса и других спортивных дисциплин, вручаются людям, которые говорят и ведут себя так, как будто страдают психическими расстройствами.

Телезрителям показывают, что хоть доходы элиты и социальные пособия – суммы разные, но между некоторыми членами высших слоев страны и ребятами в капюшонах и с банданами на лицах сходство всё-таки есть. Лица, попавшие в элиту страны из индустрии развлечений, гордо именуемой профессиональным спортом, и члены уличных хулиганских группировок оказались единими в том, что и первые, и вторые рассматривают свой физический комфорт и благополучие как что-то неизмеримо более важное, чем достоинство и здоровье других людей. Лозунг «Хулиганство – путь в

дворянство!» лучше всего выражает законы, которые действуют в политизированном шоу-бизнесе. Этот лозунг также сюрреалистически парадоксален, как и лозунги «Свобода – это рабство!» и «Мир – это война!», знакомые читателям Оруэлла. Чему же удивляться, если в ответ на представления, увиденные на популярных спортивных телеканалах, у уличных банд Лондона появились свои собственные отклики? Если, посмотревшись на возрожденные масс-медиа человеческие жертвоприношения, очень многие на окраинах Лондона могли воскликнуть: «А чем хуже мы? Университетскую мантию и ордена за бесстыдство и мы можем заслужить! Айда становиться личностями года 2011!»

Ну а о добровольцах, которые вышли защищать те районы охваченных столкновениями городов Англии, где не хватало полицейских, и героически погибли, читали все [16]. И кварталы пригородов Лондона, которые выглядят так, словно их бомбила гитлеровская авиация, все тоже неоднократно видели в телерепортажах. И о том, что многим владельцам разграбленных и разгромленных магазинов предстоит начинать «с пепелища», просвещенные читатели также уже проинформированы.

Если бы этика британского образования XIX века сохранялась не только на страницах романов Викторианской эпохи и в одних лишь умах интеллигентных преподавателей английского языка в России, столкновения ни за что бы не произошли. И если бы взгляды на задачи образования, а также на отношения между педагогом и учащимся оставались точно такими же, какими они были в просвещенных кругах Британского Королевства, когда романы «Оливер Твист» и «Джейн Эйр» только выходили в свет, большая часть жителей страны повела бы себя в начале августа 2011 года точь-в-точь, как тот доброволец защиты города от погромов, который в самые опасные моменты повторял слова: «Нам неважно, откуда вы приехали в страну! Если вы здесь живете, мы вас защитим» [17].

Пытаясь показать, каким должно быть идеальное образование, писатели викторианской эпохи рисуют портреты наставников, которые относятся к детям с чувством «самого чистого и нежного великодушия». Ни Чарльз Диккенс, ни Шарлотта Бронте почему-то не написали ни слова о визовых ограничениях и прочих двойных стандартах, о которых современные студенты британских школ и университетов узнают еще до того, как они переступают порог учебного заведения. В образном мире этих авторов педагоги относятся к обучению детей как к исполнению религиозного долга, как к делу веры, и для них это дело намного важнее заботы о собственном благополучии и желания оградить себя от всех случайностей, которые могут им причинить хотя бы малейший ущерб.

В свою очередь ученики сохраняют идеализированное представление о тех, от кого они узнают «о канувших в вечность временах и народах, о дальних странах, об уже открытых или едва подслушанных тайнах природы» [18]. Оливер Твист относился к своим благодетельницам мисс Мэйли и миссис Роз, а также к пожилому джентльмену, который обучал его грамматике английского языка и основам богословия, «с чувством самой искренней, горячей и глубокой благодарности» [19]. Черты наставницы Джейн Эйр мисс Темплъ казались ученице «исполненными возвышенного благородства... в ней было что-то, внушавшее тем, кто смотрел на нее и слушал ее, чистую радость и чувство благоговейного почитания» [20]. (Можно предствить, как расхохочутся при чтении этих строк и «легенды рэпа», и те, кто берут с них пример.)

Когда герой Диккенса и героиня Бронте пытаются в совершенстве овладеть родным языком и приобщиться к культурным ценностям своей страны, ими движет желание найти семьи, из которых они выпали по воле случая, и воссоединиться со своим родом. Согласно формуле романов той поры о реальном родстве между сиротами и теми, кто помогает им получить образование, читатели Диккенса и Бронте узнают только в конце повествования, когда их узнают на фамильных портретах, когда о них прочтут в книгах дворянских фамилий. Но и в «Оливере Твисте», и в «Джейн Эйр» христианская любовь в ее протестантском понимании является той силой, посредством которой герои преодолевают все препятствия на пути постижения знаний.

Современная система образования Англии как многонациональной страны поставила протестантизм строго в один уровень со всеми другими религиями и сообществами верующих. Приверженцев религиозной этики Диккенса и Бронте ограничили в праве на страстные проповеди и сильные высказывания из боязни задеть интересы других конфессий, влияние которых сильно выросло в стране за последнюю четверть века. Авторы, пишущие о проблемах образования в Соединенном Королевстве, с тревогой указывают на размытость представлений о том, какое поведение можно считать благородным, а какое нет [21]. И главная причина этой боязни разграничения хороших и дурных поступков учащихся – постоянная оглядка на функционеров системы: покажется ли функционерам такой разговор надежно согласованным с деятелями других религий? Если образовательная система Англии XXI века, которая включает огромное разнообразие национальностей и приверженцев множества религий, оказывается «территорией размытой этики», даже самые честные и добросовестные родители учащихся не всегда способны воспитать в детях надлежащие представления о правильном и дурном. В условиях экономики, где даже профессии государственного служащего и полицейского оказываются «ориентированными на общение с клиентами», в сознании самих родителей

суровая этика трагедий Шекспира и представления о благородстве, почерпнутые из романов Диккенса и Бронте, оказываются вытесненными банальными правилами корпоративной дисциплины. И как только родители детей находят новое место работы, такие правила выбрасываются из памяти, уступая место предписаниям новой корпорации, подобно тому, как выбрасываются в мусорный контейнер папки с устаревшими инструкциями. Если в постиндустриальном обществе исчезают критерии правильности поступка, которые были бы едиными для представителей самых разных профессий, как внятно рассказать детям о том, о чем имеешь смутное представление сам?

Сочинения Джеймса Оруэлла, где изображены школы, вся деятельность которых сводится к бесконечным маршам бойскаутов, покажутся не столь фантастическими, если принять во внимание попытки некоторых политиков и деятелей спорта рассматривать бесплатные публичные школы только в качестве фарм-клубов для участников пиаровских мероприятий и разнообразных юношеских футбольных и регбийных лиг. И в ответ на отношение к детям как к материалу для целей, крайне далеких от узнавания о «дальних странах», от постижения «тайн природы» силой христианской любви, сами современные учащиеся усваивают вульгарное и сниженное представление об образовании как об усвоении минимального набора фактов, при помощи которого можно успешно сдавать тесты в старших классах, а в будущем – выходить победителями в борьбе с соперниками за жизненное пространство.

Какой ученик бесплатной школы в Южном Тоттенхэме станет смотреть даже на самого профессионального учителя как на благородный пример для подражания? В негласном «кодексе чести» таких школ строго-настрого приказано руководствоваться только примерами из коммерческих спортивных шоу. Участие в массовых столкновениях приняли выпускники тех школ, где успех учителя оценивался умением развлекать класс и благополучно лавировать между разными национальными группами.

Малодушно позволив ученикам деградировать до ощущения себя почетными гостями на уроке, лица, которые руководят школами, забыли очень известный тезис Иммануила Канта об образовании. Согласно Канту, если ребенка не приучили подчиняться приказам разума в период, когда он растет, он может прожить в состоянии дикости всю жизнь. «В этом [следовании животному инстинкту] проявляется не благородная любовь к свободе, как полагают Руссо и другие, но известная нецивилизованность, неразвитость, так сказать, собственно человеческих начал, – пишет Кант. – Человечество принуждено само, собственными усилиями вырабатывать те свойства, что составляют «человеческую природу». Каждое поколение воспитывает последующее...» (22). Руководство и педагоги бесплатных средних школ Соединенного

королевства были приучены политической системой идеализировать выходцев из афро-карибских стран; они запутались в политкорректности до такой степени, что никому из них и в голову не пришло, что эта идеализация навязана им империей.

Позволив школьникам усвоить взгляд на учителя как на сезонного аниматора на пляжах в Египте, специалисты в области образования Великобритании не обратили внимания на идеи ведущих европейских мыслителей, которые возражали против понимания образования только как передачи набора определенных фактов. И Локк, и Герберт, и Спенсер выдвигали свои собственные оригинальные доводы о том, что интересы воспитания достойного характера должны быть важнее интересов передачи необходимого набора фактов в образовательном процессе [23].

Мысль о том, что любое крупное событие в общественно-политической жизни страны является воплощением художественно-философского проекта [24], в наши дни сделалась такой же часто повторяемой, как и во времена, когда Владимир Маяковский был молодым, сильным и энергичным человеком. Проект «культурного многообразия», объединивший в Англии представителей средств массовой информации, деятелей изящных искусств, литературы, музыки и педагогов школ и университетов, повлек за собой смерть пяти человек, пожары, ранения десятков людей, в том числе и девочек в полицейской форме. Эти девочки неоднократно слышали от начальства, что им запрещено применять силу, хотя у них не было силы, которую можно применять. И если судить о замысле по его результатам, не остается сомнений в том, что проект культурного многообразия в том крайне убогом и упрощенном виде, в котором его навязали британскому обществу, был доверен узкой группе лиц, которая привыкла думать поверхностно и общо.

Британский гуманист Томас Мор, который в XVI веке взошел на плаху за свои политические и религиозные убеждения, однажды высказал мысль о том, что государство должно предотвращать преступления заботой о благе своих подданных, вместо того чтобы развращать их нравственность и смотреть, как множатся их злодеяния, чтобы потом равнодушно карать за них [25]. Но если целые виды и жанры искусств перекраиваются по воле людей, которые не написали хотя бы одну картину или пьесу за всю свою жизнь, это нельзя считать заботой о благе людей. И изменения в школьной и университетской жизни, введенные по воле людей, которые никогда не провели ни одного урока, не предотвратят страну от столкновений и пожаров в будущем.

Если в европейской пост-индустриальной экономике начала XXI века присутствует страх ответственности за ранение человека на производстве или крушение пассажирского самолета, фактор опасения за возможность интеллектуальной деградации людей в

будущем должен быть включен в деятельность специалистов по управлению. Страх самой возможности попадания людей под влияние субкультуры, с ее дохристианским культом пролитой крови, должен сделаться сильнее стремления манипулировать трудом других людей, которое в наши дни продолжает оставаться целью политиков и управленцев всех звеньев. И превращение опасения, что какая-то часть людей отпадет от человеческого рода, в экономический фактор, станет первым шагом на пути общества от «проклятия [монотонного] труда» к «благословению [творческого и художественного] труда» [26].

Попытка превратить труд любого человека в художественный процесс, а его собственный жизненный путь – в карьеру, наполненную открытиями, ценными хотя бы для него самого, как это предлагал сделать британский художник и писатель XIX века Уильям Моррис, обязательно вызовет противодействие влиятельных лиц. Такие изменения совсем не нужны политикам спекулятивного типа, звездам поп-культуры, а также огромному классу игроков на глобальных финансовых биржах. Их интересы превосходно выражает салонный авангард, а снижение монотонности труда и появление творческого момента в жизни тех, кого приучили считать себя обыкновенными и заурядными людьми, для современных звезд эстрады будут означать разве что риск потери аудитории, завоевание которой было привычным и легким делом.

Но если не вводить обучение изящным искусствам ради распространения «эстетики красоты и порядочности», то найдутся лица, которые в один прекрасный день добьются введения обязательного обучения ремеслу гладиатора начиная с возраста 12–13 лет. Какой приверженец новой версии тоталитаризма не захочет, чтобы все, кто его окружает, сделались его уменьшенными копиями? И если европейское общество не будет пытаться видоизменить привычный обмен товарами и превратить его в обмен произведениями искусства и знаниями о культуре, культ потребления, который спровоцировал широкомасштабные грабежи в Лондоне, одержит верх и дома, которые могли бы служить фонами и декорациями к фильмам по мотивам произведений Диккенса и Бернарда Шоу, в XXI веке будут гореть и гореть.

Абсурдным перформансам на всех уровнях британского общества должна быть противопоставлена новая корпоративная культура. В культурном контексте Англии она могла бы включать обязательное чтение пусть хоть талантливо написанной биографии Томаса Мора, пусть хотя бы одной из пьес Шекспира, подобно тому, как корпоративная культура Японии предполагает занятия айкидо и кендо всем коллективом организации. Если сотрудники предприятий и компаний Англии станут не только вместе играть в регби и в гольф по субботам, но и участвовать в конкурсах художественных фильмов при поддержке профессионалов, в стране удастся создать общество, где человеческая природа

окажется сильнее качеств, «доставляющих наслаждение в аду». И если и англичане, чью родословную можно проследить с эпохи Тюдоров, и люди, которые недавно приехали в Англию, заведут обычай хотя бы раз в полгода вспоминать Любовь-Дерзновение, Любовь-Божественное вдохновение из «Ромео и Джульетты», пускай даже в нагрузку к обычной служебной вечеринке, идея Европы не исчезнет на многонациональном континенте. У добровольцев защиты от погромов, погибших во время столкновений, появятся новые почитатели и сторонники, а умышленное нарушение общепринятых культурных табу сделается менее популярным занятием.

Примечания

1. Charles Dickens. Barnaby Rudge, Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex, 1973, с. 484.
2. Charles Dickens, Barnaby Rudge, с. 475.
3. Charles Dickens, Barnaby Rudge, с. 50.
4. Tottenham community becomes real victim of rioters. By Andrew Gilligan and Heidi Blake, The Telegraph UK, 09 Aug 2011.
5. London riots: why did the police lose control? By David Green, The Telegraph UK, 08 Aug 2011.
6. London riots: why did the police lose control? By David Green, The Telegraph UK, 08 Aug 2011.
7. Another celebrity was kicked off an airplane, only this time for droopy trousers. By Lucas Shaw, Reuters, Sept.3, 2011.
8. Tottenham community becomes real victim of rioters. By Andrew Gilligan and Heidi Blake, The Telegraph UK, 09 Aug 2011.
9. London riots: This is what happens when multiculturalists turn a blind eye to gang culture. By Damian Thompson, The Daily Telegraph, 08 Aug, 2011.
10. Максим Кантор. Шапито размером с пирамиду. Почему высокое искусство не имеет шансов на внимание. Статья опубликована на персональном сайте художника <http://www.maximkantor.com/>
11. Максим Кантор. Учебник рисования. М: АСТ: Астрель, 2008. Том 2, с. 117.
12. Robert Fulford: Britain is a land without shame. The National Post, August 13, 2011.
13. Именно такая оценка преступлениям погромщиков дана и в тексте, на который я ссылаюсь, и во многих письмах и отдельных высказываниях читателей, опубликованных на страницах The Telegraph UK и The National Post.
14. Anthony M. Ludovici. Education in Modern England. "Lack of tone-setters", p. 12 <http://www.anthonymyludovici.com/educatio.htm>.
15. "Sports Personality of the Year 2010: David Haye". BBC Sport. 29 November 2010. Retrieved 16 December 2010.
16. David Haye The Wikipedia http://en.wikipedia.org/wiki/David_Haye.
17. Birmingham riots: thousands gather for funerals of three men killed protecting community. By Nick Britten The Telegraph UK, 18 Aug 2011.
18. London riots: residents fight back. By Martin Beckford, James Hall, Christopher Williams, David Millward The Telegraph UK 09 Aug 2011.
19. Charlotte Brontë. Jane Eyre. The Modern Library, New York, p. 105.
20. Charles Dickens. Oliver Twist. CHAPTER XXXII.
21. OF THE HAPPY LIFE OLIVER BEGAN TO LEAD WITH HIS KIND FRIENDS.
22. "With the truest, warmest, soul-felt gratitude" Project Gutenberg <http://www.gutenberg.org/ebooks/730>.

23. Charlotte Brontë. Jane Eyre, p. 104.
24. Anthony M. Ludovici. Education in Modern England. P.12
<http://www.anthonym Ludovici.com/educatio.htm>.
25. Лекции Иммануила Канта «О педагогике». Перевод Б. М. Бим-Бада.
26. «Дисциплинирование», формирование способности к самопринуждению возвышает человека над уровнем животных. Животное становится тем, что оно есть, благодаря своему инстинкту, этому как бы «принудительному разуму» и тем самым оно избавлено от заботы о своем становлении...
27. Человечество принуждено само, собственными усилиями вырабатывать те свойства, что составляют «человеческую природу». Каждое поколение воспитывает последующее... Это наблюдение подтверждают завезенные в Европу взрослые дикари: даже если они в продолжение довольно долгого времени выполняют ту же, что и европейцы, работу, они все-таки не могут привыкнуть к образу жизни последних. В этом проявляется не благородная любовь к свободе, как полагают Руссо и другие, но известная нецивилизованность, неразвитость, так сказать, собственно человеческих начал. Словом, необходимо как можно ранее приучить ребенка подчиняться предписаниям разума. Если с малолетства все его желания ни в чем не встречали противодействия, человек навсегда останется в той или иной степени дикарем». С. 7–8.
28. Цит. по: Anthony M. Ludovici. Education in Modern England. p. 12, VII.
29. Например, автор романа «Учебник рисования» приводит эту мысль в главе «Управляемая демократия», т. 2, с. 72: «Мир имеет ту политику и таких политиков, которые в точности соответствуют идеалам искусства, которое мир признает за таковое. В конце концов, политика не более, чем один из видов искусства, а Платон ставил ораторское мастерство даже ниже...Искусство - и так было на протяжении всей истории человечества – формирует идеалы, которые политика делает реальными. Наивно думать, что искусство следует за политикой, так происходит лишь с заказными портретами».
30. Utopia by Thomas More. English translation from Latin by Gilbert Burnet. Book 1 Project Gutenberg <http://www.gutenberg.org/ebooks/2130>.
31. “For if you suffer people to be ill-educated, and their manners to be corrupted from their infancy, and then punish them for those crimes to which their first education disposed them, what else is to be concluded from this, but that you first make thieves and then punish them”. «В самом деле, вы даете людям негодное воспитание, портите мало-помалу с юных лет их нравственность, а признаете их достойными наказания только тогда, когда они, придя в зрелый возраст, совершат позорные деяния. Разве, поступая так, вы делаете что-нибудь другое, кроме того, что создаете воров и одновременно их караете?» (перевод с латинского А. Малеина и Ф.Петровского).
32. Morris, William. Hopes and Fears for the Art. Firstly published by Ellis and White in 1882. Released at the Project Gutenberg in 2003. <http://www.gutenberg.org/cache/epub/3773/pg3773.txt>.
33. “And no man will any longer have an excuse for talking about the curse of labour, no man will any longer have an excuse for evading the blessing of labour”. (Chapter 1. The Lesser Arts).
34. «И разговоры о проклятии труда больше никому не будут служить оправданием; ни у кого не будет отговорок, чтобы избежать благословения труда» (Уильям Моррис. Надежды на изящные искусства и опасения за них. Глава 1. Прикладные искусства).